

Политика и управление в сфере здравоохранения
Health policy and management

УДК 314.15, 314.38

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243

Оценка влияния региональной программы материнского капитала на рождаемость
(на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)¹

Денисова Ирина Анатольевна

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [8713-0027](https://elibrary.ru/SPIN/8713-0027), denisova.irina@gmail.com

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; Российская экономическая школа, Москва, РФ.

Калабихина Ирина Евгеньевна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [4797-0588](https://elibrary.ru/SPIN/4797-0588), ORCID: [0000-0002-3958-6630](https://orcid.org/0000-0002-3958-6630), ikalabikhina@yandex.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Кузнецова Полина Олеговна²

Кандидат экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [9693-2570](https://elibrary.ru/SPIN/9693-2570), ORCID: [0000-0002-1524-5620](https://orcid.org/0000-0002-1524-5620), polina.kuznetsova29@gmail.com

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; РАНХиГС, Москва, РФ.

Аннотация

Начиная с 2011 г. регионы страны стали принимать собственные программы материнского капитала. Исходно уровень их финансирования был достаточно скромным, но со временем некоторые регионы существенно модернизировали свои программы, расширив категории участников и существенно увеличив размер выплат. Одним из таких регионов стал Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), где осенью 2019 г. было объявлено о существенном расширении региональной программы. Цель данного исследования — проверить, насколько позитивная по сравнению с другими регионами динамика рождаемости в ЯНАО была связана с введением относительно более щедрой программы материнского капитала. Особенностью рассматриваемой ситуации является то, что последствия обновления региональной программы материнского капитала наблюдались на фоне устойчивого снижения рождаемости в России в условиях растущей социально-экономической неопределенности, а также стагнации и снижения реальных доходов населения. Для выявления непосредственного эффекта на рождаемость, который оказало изменение региональной программы материнского капитала, был применен метод разрывной регрессии. Помимо суммарной рождаемости, отдельно были рассмотрены модели для различных порядков рождений (для первых, вторых, третьих, а также четвертых и последующих детей). Согласно проведенным расчетам, изменение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) по всем рождением составило 0,15. Скачка для первого рождения обнаружено не было, рост СКР для вторых рождений составил 0,12, для третьих рождений — 0,08. Наблюдаемые изменения были связаны прежде всего с рождаемостью городского населения. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что модернизация программы материнского капитала в ЯНАО позволила затормозить на региональном уровне негативную динамику рождаемости, наблюдаемую в целом по стране.

Ключевые слова

Рождаемость, рождаемость по порядкам рождений, демографическая политика, разрывная регрессия, материнский капитал.

Для цитирования

Денисова И.А., Калабихина И.Е., Кузнецова П.О. Оценка влияния региональной программы материнского капитала на рождаемость (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 232–243. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243

The Influence of the Regional Maternity Capital Program on Fertility
(Case of Yamal-Nenets Autonomous Okrug)³

Irina A. Denisova

PhD, Associate Professor, denisova.irina@gmail.com

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; New Economic School, Moscow, Russian Federation.

Irina E. Kalabikhina

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0002-3958-6630](https://orcid.org/0000-0002-3958-6630), ikalabikhina@yandex.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

¹ Исследование проведено при поддержке Правительства ЯНАО в рамках договора №448ЕП-23 от 9 октября 2023 «Прогноз численности населения Ямало-Ненецкого автономного округа, в том числе Ямальского и Тазовского районов, до 2050 года».

² Корреспондирующий автор.

³ The study was conducted with the support of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug Government within the framework of Agreement No. 448EP-23 dated October 9, 2023 "Population forecast of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, including Yamal and Taz districts, until 2050".

Polina O. Kuznetsova⁴

PhD, ORCID: [0000-0002-1524-5620](https://orcid.org/0000-0002-1524-5620), polina.kuznetsova29@gmail.com

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; RANEPА, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Since 2011 Russian regions began to develop their own maternity capital programs. Initially their funding was small, but gradually some regions significantly modernized their programs, expanding the categories of participants and significantly increasing payments. In particular, in the fall of 2019, the government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (YNAO) announced a significant expansion of their regional program. The aim of this study is to test whether the positive birth rate dynamics in the YNAO compared to other regions was associated with the introduction of a relatively more generous maternity capital program. It is particularly noteworthy that the effects of updating the regional maternity capital program were observed in the context of a steady decline in fertility in Russia against the backdrop of growing socio-economic uncertainty, as well as stagnation and decline in real incomes of the population. To identify the direct effect of the regional maternity capital program, a discontinuity regression method was applied to individual data on fertility in the YNAO in 2015–2022. In addition to total fertility, models for different birth orders (for the first, second, third, and fourth and subsequent children) were considered. According to our estimates, the change in the total fertility rate (TFR) for all births amounted to 0.15. No effect was found for the first births, the growth of TFR for the second births amounted to 0.12, for the third births — 0.08. The observed changes were primarily related to the urban population's fertility. Thus, we conclude that the modernization of the maternity capital program in the YNAO made it possible to slow down at the regional level the negative dynamics of fertility observed at the national level.

Keywords

Fertility, parity-specific fertility, demographic policy, regression discontinuity design, maternal capital.

For citation

Denisova I.A., Kalabikhina I.E., Kuznetsova P.O. (2024) The Influence of the Regional Maternity Capital Program on Fertility (Case of Yamal-Nenets Autonomous Okrug). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 105. P. 232–243. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243)

Введение

Программы материнского капитала, действующие как на федеральном, так и на региональном уровне, призваны стимулировать рождаемость и являются одними из наиболее затратных мер государственной политики данного направления. Федеральная программа материнского капитала была введена с 1 января 2007 г. Аналогичные региональные программы стали массово появляться с 2011 г., но уровень предусмотренных ими выплат был достаточно скромным [Казенин, Козлов 2020]. Региональная программа материнского капитала в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО), введенная в 2011 г., исходно была нацелена на стимулирование рождений третьих детей. В ноябре 2019 г. были внесены значительные поправки в Закон о материнском (семейном) капитале в ЯНАО⁵. Так, с января 2020 г. был увеличен (с 350 тыс. руб. до 500 тыс. руб.) региональный материнский капитал на третьих детей. Кроме того, с 2020 г. региональный материнский капитал в размере 500 тысяч рублей был распространен на четвертого и последующих детей и перестал быть однократной мерой — его предоставляют с появлением третьего ребенка и вновь с появлением каждого последующего ребенка. Была также введена региональная выплата в размере 150 тыс. руб. при рождении второго ребенка.

Предполагалось, что значительные региональные выплаты окажут определенный эффект на уровень рождаемости. Посмотрим на динамику суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в ЯНАО, близком во многих отношениях Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (ХМАО-Югра) и в целом по России в 2006–2023 гг. (Рисунок 1). Серыми вертикальными линиями отмечены моменты изменений материнского капитала: начало федеральной программы в 2007 г., старт региональной программы в ЯНАО в 2011 г. и ее существенное усиление в 2020 г.

⁴ Corresponding author.

⁵ Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 29 ноября 2019 г. № 87-ЗАО «О внесении изменений в Закон Ямало-Ненецкого автономного округа «О материнском (семейном) капитале в Ямало-Ненецком автономном округе» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/73091780/> (дата обращения 15.06.2024).

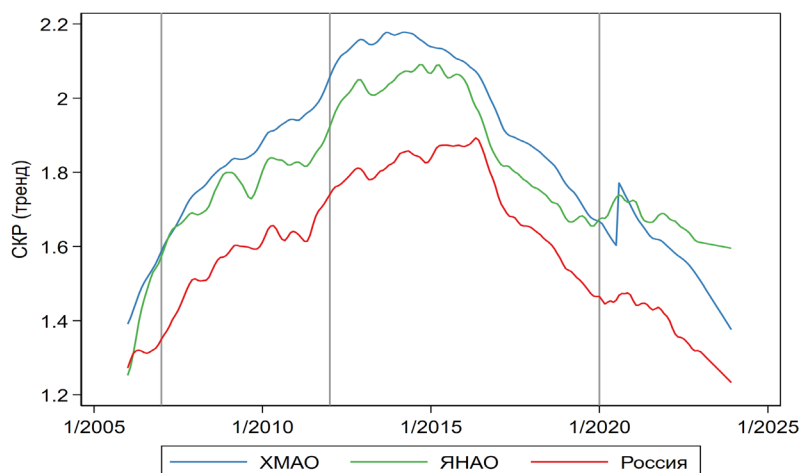

Рисунок 1. Линия тренда для суммарного коэффициента рождаемости (после удаления сезонности), Россия, ХМАО-Югра, ЯНАО⁶

До 2020 г. рождаемость в автономных округах Тюменской области была выше общероссийской, но в целом повторяла ее динамику. В 2015 г. на национальном уровне началось быстрое снижение рождаемости, приостановившееся в 2020 г. и затем продолжившееся. После 2020 г. рождаемость в ЯНАО снижалась существенно меньше по сравнению с другими регионами. Связана ли позитивная по сравнению с другими регионами динамика рождаемости в ЯНАО с введением относительно более щедрой программы регионального материнского капитала?

Цель нашего исследования — попытаться понять, в какой степени отсутствие существенного падения рождаемости можно отнести к эффекту модернизации программы регионального материнского капитала. Для этого необходимо отделить эффект повышения размера выплат и расширения охвата программой регионального материнского капитала в 2020 году от эффекта всех остальных событий, которые могли оказать влияние на динамику рождаемости в регионе с 2020 г. Для оценки эффекта от изменений 2020 года мы используем метод разрывной регрессии по времени (regression discontinuity on time, см. [Lee, Lemieux 2010]), примененный к индивидуальным данным о рождаемости в ЯНАО в 2015–2022 гг., представленным по запросу Росстатом.

Статья структурирована следующим образом. После краткого обзора современных исследований по оценке эффекта влияния различных событий на рождаемость представлено описание данных и методики количественного исследования. Далее следуют описание полученных результатов и краткая дискуссия. Наш вклад в современную научную литературу состоит в выявлении чистого эффекта программы регионального материнского капитала и количественной оценки его вклада в суммарный коэффициент рождаемости.

Рождаемость и меры по ее поддержке: краткий обзор современных научных исследований

В научной литературе активно обсуждается вопрос результативности финансовых мер поддержки рождаемости. Эффект отдельно взятых финансовых мер поддержки рождаемости (в том числе подобных программе федерального материнского капитала в России) невелик и часто может оказываться краткосрочным [Gauthier, Philipov 2008]. Так, например, эконометрический анализ, проведенный по данным 22 развитых стран в 1970–1990 гг., показал, что рост размера пособий семьям с детьми на 25% в среднем повышает уровень рождаемости на 0,6% в краткосрочной и на 4% в долгосрочной перспективе, что соответствует примерно 0,07 ребенка на одну женщину [Gauthier, Natzius 1997]. Однако влияние полноценных пакетов мер поддержки семьи может

⁶ Расчеты авторов на основе данных Росстата с использованием статистического пакета JDemetra.

быть несколько более ощутимым. Так, 25-процентное повышение правительственных затрат на комплексную семейную политику могло бы привести к росту рождаемости, соответствующему 0,1 ребенка [McDonald 2006], что в условиях низкой и очень низкой рождаемости является весьма существенным.

Более поздние исследования отмечают временный характер влияния на рождаемость семейных пособий по сравнению мерами по расширению системы ухода за детьми, которые в большей степени способствуют росту итоговой рождаемости. К такому выводу приходят авторы обзорной работы [Bergsvik et al. 2021], базирующейся на результатах 35 исследований последствий реформ родительского отпуска, ухода за детьми и детских пособий в развитых странах.

В то же время отдельные национальные примеры реформ детских и семейных пособий свидетельствуют о наличии относительно более долгосрочных эффектов на рождаемость. Так, например, реформа универсальных пособий детям 0–18 лет в отдельном регионе Норвегии (Тромсё) способствовала росту вторых, третьих и особенно первых рождений среди женщин в ранних репродуктивных возрастах (до 25 лет), а также увеличению третьих рождений у женщин в возрасте 35–39 лет [Hart, Holst 2024]. В исследовании [González 2013] было показано, что введение в Испании универсального детского пособия в 2500 евро в 2007 г. способствовало значимому росту рождаемости (порядка 6% в результате данной меры).

После введения мер стимулирования рождаемости в России появился ряд работ по оценке их результативности и эффективности. В частности, оценка влияния программ федерального и регионального материнского капитала на рождаемость дается в ряде исследований [Slonimczyk, Yurko 2014; Архангельский 2015; Андреев 2016; Бирюкова, Синявская 2021; Захаров 2023, Вакуленко и др. 2023]. Часть работ была выполнена с помощью эконометрических моделей на панельных данных регионов с фиксированными эффектами, часть использовала методы статистического и демографического анализа и другие методы.

Достаточно редкими являются работы, которые оценивают именно количественный чистый эффект от демографической политики, чаще рассматривается результативность политики с помощью демографической статистики и наложения демографической динамики на период проведения политики [Lieming 2019]. Какие более точные методы используются в литературе для оценки эффекта мер государственной политики? Одним из популярных методов оценки влияния государственных мер поддержки или иных факторов на рождаемость является разрывная регрессия (discontinuity design regression или kink regression, см. [Lee, Lemieux 2010]). Идея метода заключается в изучении временного периода, содержащего момент изменения какого-то фактора, потенциально оказывающего влияние на рождаемость, например реформу образования, приводящую к изменению длительности обучения целого поколения; расширение доступа женщин к высшему образованию или существенное обновление программы родительского отпуска.

В частности, существуют примеры исследований с помощью разрывной регрессии последствий введения оплачиваемого двухнедельного отцовского отпуска в Испании (отрицательное влияние на рождаемость [Farré, González 2019]), введения значительного универсального детского пособия в Испании (увеличение рождаемости [Gonzalez 2013]); увеличения длительности школьного образования на Тайване (отсутствие влияния на рождаемость [Kan, Lee 2018]), роста неопределенности вследствие кризиса суверенного долга в Италии (снижение рождаемости [Comolli, Vignoli 2021]).

Существует опыт применения метода разрывной регрессии к российским данным о рождаемости. В исследовании [Yakovlev, Sorvachev 2019] даны оценки влияния федеральной программы материнского капитала на рождаемость в России. На данных официальной статистики

и репрезентативного обследования РМЭЗ-НИУ ВШЭ было показано, что реализация программы привела к значительному росту рождаемости как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В частности, одним из следствий программы стал рост итоговой рождаемости для определенной когорты российских женщин. Региональный анализ показал, что рост рождаемости был выше в местах с большим дефицитом жилья (улучшение жилищных условий было одним из трех возможных способов реализации федерального материнского капитала).

В нашем исследовании мы применяем похожий метод оценки (разрывная регрессия для СКР в месяц, в работе [Yakovlev, Sorvachev 2019] — для числа рождений в месяц) к данным отдельно взятого региона, что позволяет оценить результативность модернизации программы регионального материнского капитала. Важным отличием нашего исследования является то, что, помимо суммарного коэффициента рождаемости для всех рождений, мы оцениваем СКР для различных порядков рождений, а именно для первых, вторых, третьих, а также четвертых и последующих детей.

Данные и методика

При проведении количественного исследования мы использовали деперсонифицированные индивидуальные данные о рождениях детей в ЯНАО в 2015–2022 гг., предоставленные по запросу Росстатом. Массив данных содержит информацию более чем о 400 тыс. рождениях, в том числе о дате и месте рождения, порядке рождения ребенка у матери, возрасте и месте рождения родителей.

Для оценки влияния модернизации программы регионального материнского капитала на рождаемость к индивидуальным данным о рождениях была применена разрывная регрессия:

$$TFR_m = \alpha + \gamma_1 post + \gamma_2 m + \varepsilon_m, \quad (1)$$

где TFR — суммарный коэффициент рождаемости (в целом и по отдельным порядкам рождений), *post* — индикатор возможного момента разрыва (1 — с июля 2020 г., 0 — ранее), *m* — время (в месяцах относительно возможного момента разрыва). Отдельно оценивалась модель с включением дамми-переменных для отдельных месяцев года для контролирования возможной сезонности (существенных отличий получено не было).

В рамках подхода разрывной регрессии по времени мы ищем оценку того, какой была бы рождаемость в ЯНАО после 2020 года (даты введения значительных изменений в программе регионального материнского капитала), если бы изменений в программе не было. То есть ищем оценку контрфактической ситуации, в которой в 2020 году не было изменений в демографической политике региона (контрфактической — поскольку такие изменения произошли и домохозяйства принимали решения о рождении детей уже в новых условиях), и сравниваем эту контрфактическую ситуацию с фактической. Идея оценки контрфактической ситуации и оценки эффекта от расширения программы регионального материнского капитала состоит в том, что условия принятия решения о зачатии и рождении детей семьями осенью 2019 года (до октября, когда об изменениях было объявлено, и после) можно было бы считать практически одинаковыми, если бы не изменения условий программы регионального материнского капитала. То есть если бы не объявленные в октябре 2019 года изменения в программе регионального материнского капитала, вступавшие в силу с января 2020 года, то решения о зачатии детей в августе-сентябре 2019 года и октябрь-ноябре 2019 года определялись бы очень схожими условиями, и во многом это было бы делом случая (проявления «игры природы»), что ребенок появился бы в апреле-мае, а не в июне-июле следующего года. То есть рождения и рождаемость в апреле-мае 2020 года дают нам оценку контрфактических (в отсутствие изменений правил программы регионального материнского капитала) рождений

и рождаемости в июне-июле 2020 года. И если мы обнаружим разрыв в динамике — скачок — показателя рождаемости в июне 2020 года, то это будет признаком наличия влияния программы на рождаемость, а размер скачка даст оценку величины эффекта от программы.

Результаты

В этом разделе представлены результаты эконометрического анализа, в котором в качестве точки возможного разрыва используется июнь 2020 года (9 месяцев после октября 2019 года, когда изменения в региональной программе материнского капитала были обнародованы). Для анализа используются ежемесячные данные о рождениях в ЯНАО. Мы используем информацию об очередности рождения (первый, второй, третий, четвертый и последующие дети).

Кратко поясним приводимое ниже представление результатов регрессионного анализа. Для каждого СКР определенной очередности дана диаграмма, на которой представлены наблюдаемые значения СКР (незакрашенные точки) до и после точки предполагаемого разрыва (июнь 2020 года), эффективные средние значения СКР, использовавшиеся при оценке разрывной регрессии (закрашенные точки) и линии линейного тренда СКР (Рисунки 2–6).

Кроме того, приведена таблица результатов регрессионного анализа, в которой представлены оценки скачка в СКР соответствующего порядка, произошедшего в июне 2020 г. (первый столбец Таблицы 1), а также сведения о значимости этого эффекта (четвертый столбец Таблицы 1). Значимые результаты соответствуют значениям Р от 0,10 (90%-й уровень значимости), 0,05 (95%-й уровень значимости) и ниже (значимость выше 95%).

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа изменений в СКР различных порядков рождений (разрывная регрессия по времени)⁷

СКР по порядку рождений	Коэффициент	Стандартная ошибка	z-статистика	Р (вероятность отвергнуть гипотезу о существовании разрыва СКР)	Левая граница 95% доверительного интервала	Правая граница 95% доверительного интервала
СКР	0,145	0,0854	1,7035	0,088	-0,0219	0,3127
СКР(1)	-0,044	0,0475	-0,9248	0,355	-0,1370	0,0492
СКР(2)	0,117	0,6176	1,8914	0,059	-0,0042	0,2379
СКР(3)	0,078	0,0237	3,2849	0,001	0,0314	0,1244
СКР(4+)	-0,032	0,0448	-0,7180	0,473	-0,1199	0,0556

На Рисунке 2 представлена динамика СКР для всех порядков рождений суммарно и графически отражены результаты тестирования разрыва в тренде показателя до и после июня 2020 года. Визуально различимый скачок рождаемости на рисунке подтверждается статистически (на уровне значимости 90%), см. первую строку Таблицы 1. Согласно полученным оценкам, суммарный коэффициент рождаемости увеличился в июне 2020 г. примерно на 0,15 пунктов (или на 8,5% по сравнению со значением на май 2020 г., которое составляло 1,77 рождений на женщину).

⁷ Расчеты авторов на основе данных Росстата. Статистически значимые результаты выделены жирным шрифтом. Выделенный коэффициент показывает предполагаемое увеличение соответствующего суммарного коэффициента рождаемости.

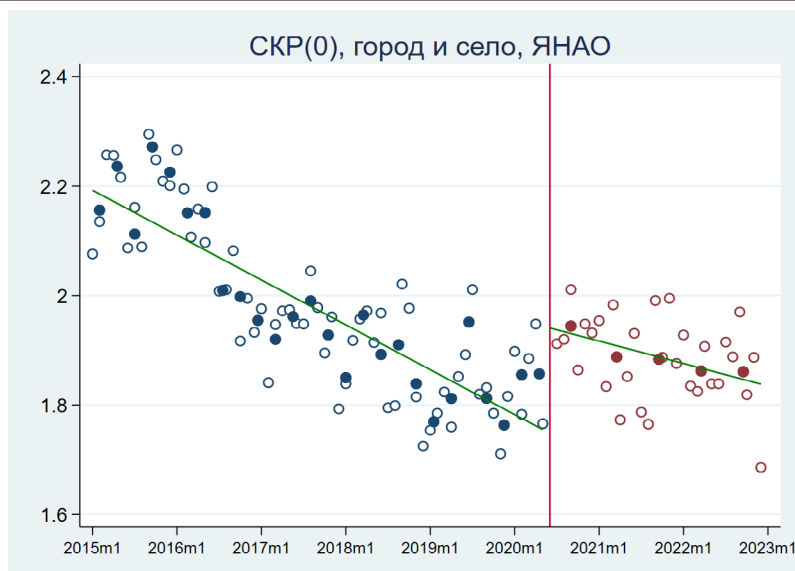

Рисунок 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости (все рождения) и тест на разрыв в июне 2020 г.⁸

На Рисунках 3–6 представлены тренды СКР для разных очередностей рождений, СКР (1)-СКР (4), до и после июня 2020 года. Мы не видим статистически значимого эффекта изменений правил региональной программы материнского капитала для первых рождений (Рисунок 3). В Таблице 1 строка 2 говорит о 35%-ой вероятности отвергнуть гипотезу о существовании разрыва в СКР первых порядков в июне 2020 года. Тем самым наличие скачка в СКР первых порядков в результате изменений программы регионального материнского капитала не подтверждается.

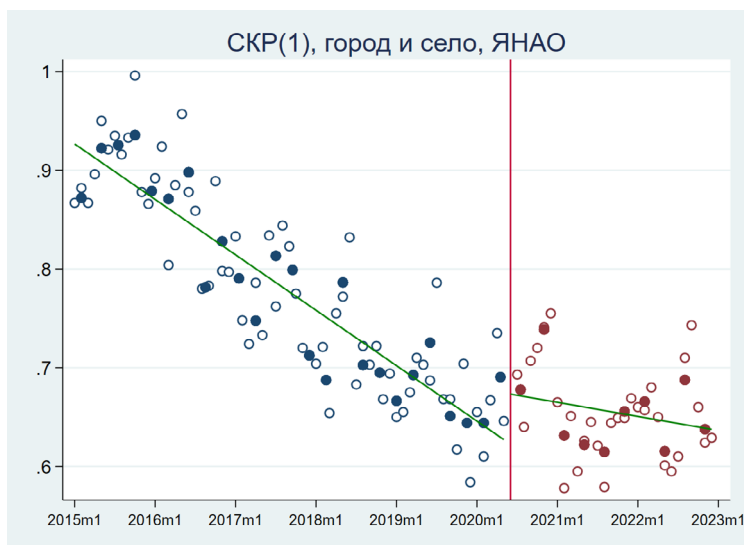

Рисунок 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости для первых рождений и тест на разрыв в июне 2020 г.⁹

Для вторых рождений просматривается скачок в тренде СКР (2) (Рисунок 4). Наличие скачка подтверждается результатами регрессии (строка 3 в Таблице 1): наличие разрыва в трендах СКР (2) в июне 2020 года статистически значимо на 94%-ом уровне, и размер скачка СКР (2) в результате расширения региональной программы материнского капитала оценивается в 0,12 пунктов (на 20% от уровня мая 2020 года, которое составляло 0,60 вторых рождений на женщину).

⁸ Расчеты авторов на основе данных Росстата. Здесь и далее незакрашенные точки соответствуют наблюдаемым значениям СКР, покрашенные — эффективным средним значениям СКР, использовавшимся для оценки разрывной регрессии.

⁹ Расчеты авторов на основе данных Росстата.

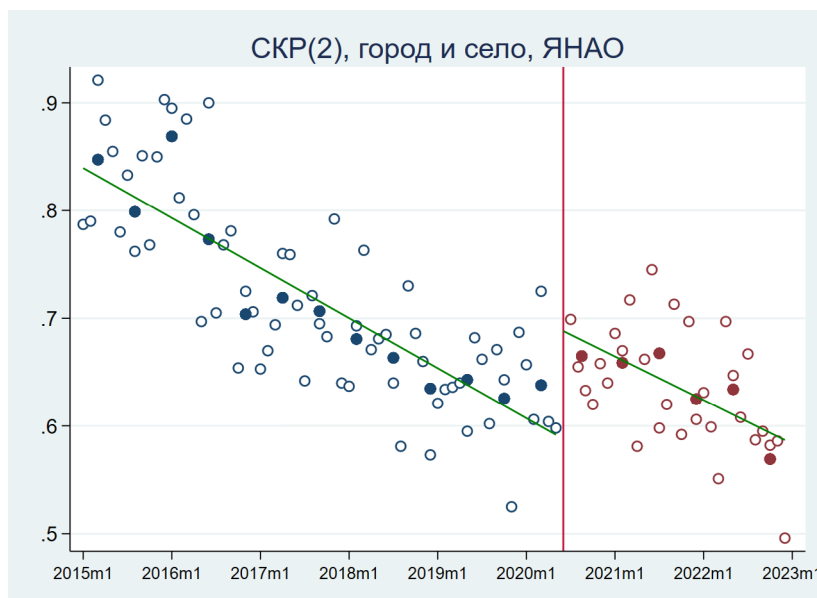

Рисунок 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости для вторых рождений и тест на разрыв в июне 2020 г.¹⁰

Для третьих рождений скачок в тренде СКР (3) еще более заметен (Рисунок 5). Результаты регрессии в Таблице 1 (строка 4) свидетельствуют о наличии разрыва в трендах рождаемости третьих детей в июне 2020 года: разрыв есть с вероятностью 99%. Статистическая оценка эффекта изменений в региональной программе материнского капитала для третьих рождений, соответствующая приросту СКР (3), — 0,08 пунктов (на 24% от уровня мая 2020 года, которое составляло 0,34 третьих рождений на женщину).

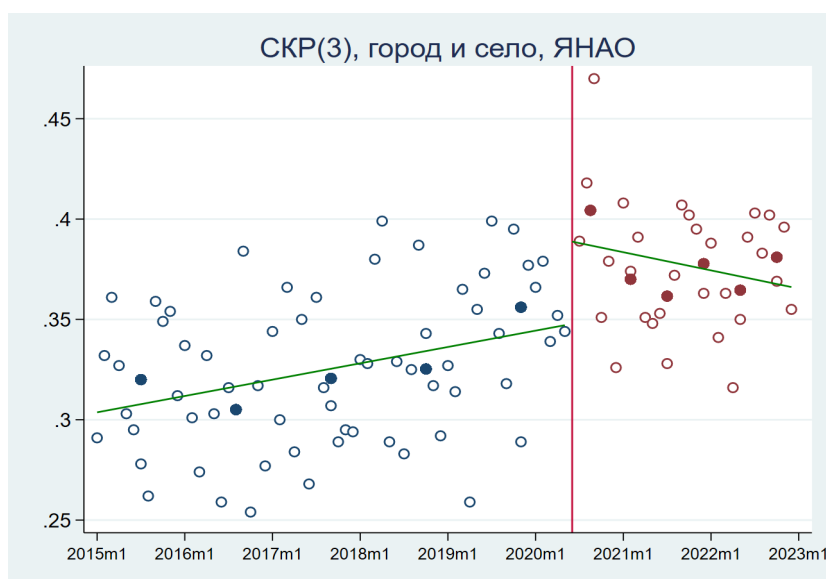

Рисунок 5. Динамика суммарного коэффициента рождаемости для третьих рождений и тест на разрыв в июне 2020 г.¹¹

Для рождений высоких порядков (четвертые и последующие) мгновенного эффекта нет, однако на Рисунке 6 хорошо заметно, как меняется тренд: увеличивается угол наклона тренда, что позволяет ожидать отложенных эффектов роста рождений высоких порядков.

¹⁰ Расчеты авторов на основе данных Росстата.

¹¹ Расчеты авторов на основе данных Росстата.

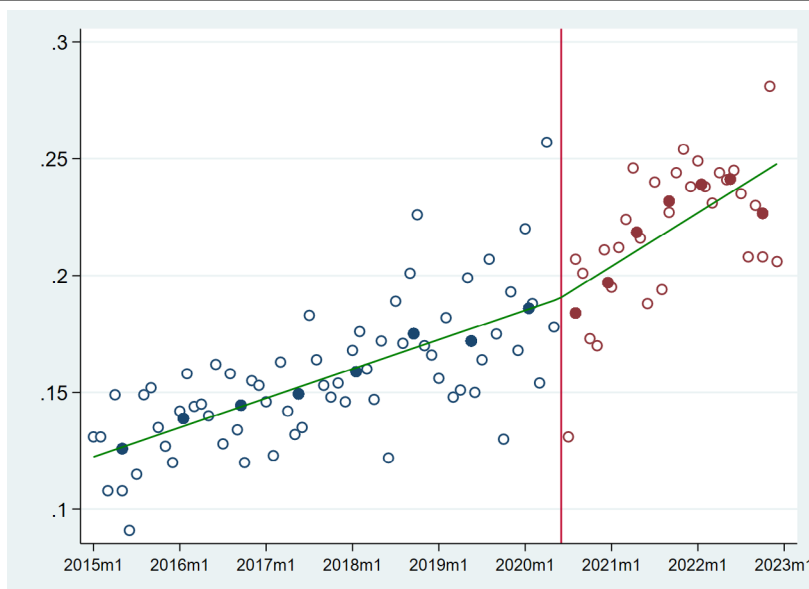

Рисунок 6. Динамика суммарного коэффициента рождаемости для четвертых и последующих рождений и тест на разрыв в июне 2020 г.¹²

Анализ динамики СКР (1)-СКР (4+) отдельно по городскому и сельскому населению свидетельствует о том, что наблюдаемые изменения в рождаемости связаны прежде всего с изменениями в рождаемости городского населения. Сельское население откликнулось на изменения в региональной программе материнского капитала ростом вторых рождений, тогда как остальные изменения статистически не значимы.

Заключение

В нашем исследовании изучается влияние усиления региональной программы материнского капитала на рождаемость в Ямало-Ненецком автономном округе. В 2020 г. в регионе одномоментно был увеличен объем выплаты, а круг получателей был существенно расширен. С помощью разрывной регрессии было проверено наличие значимого скачка в рождаемости, измеряемой с помощью СКР, в июне 2020 г., спустя девять месяцев после объявления о модернизации программы регионального материнского капитала.

Согласно полученным результатам, изменение СКР по всем рождениям составило 0,15. Скачка для первых рождений обнаружено не было, рост СКР для вторых рождений составил 0,12, для третьих рождений — 0,08. Наблюдаемые изменения были связаны прежде всего с рождаемостью городского населения.

Мы считаем, что модернизация программы позволила на региональном уровне затормозить негативную динамику рождаемости, наблюдаемую в целом по стране. Оценка эффекта мер демографической политики традиционно опирается на результативность — динамику ключевых показателей в календарном периоде на фоне проведения политики, например на рост СКР по всем рождениям в календарном периоде и на соответствие текущего уровня рождаемости запланированному согласно целям политики. Однако рост рождаемости, наблюдаемый на фоне реализуемой политики, вообще говоря, не обязательно вызван именно ей [Wang et al. 2013]. Увеличение показателей рождаемости может происходить по целому ряду других причин (например, реализация отложенных рождений в период экономического процветания и др.). Рост рождаемости может даже происходить не благодаря, а вопреки проводимой политики, которая неверно воздействует на демографическое поведение. В связи с этим необходимо выполнять более корректную оценку эффекта реализуемых мер.

¹² Расчеты авторов на основе данных Росстата.

Что еще дает более аккуратный метод измерения эффекта? Положительный эффект от меры демографической политики может быть и в том, что мы тормозим негативную динамику. В таком случае мы часто не увидим успех, измеряя его традиционным способом (через результативность). Более тонкие методы (например, оценка эффекта мер политики методом разрывной регрессии) позволяют видеть успех даже в случае, когда он не замечен при простом анализе динамики показателя. Мы вычленим вклад политики и можем увидеть, что было бы, если бы этой меры не было. И в этом смысле слабая отрицательная динамика может быть успехом по сравнению с сильной отрицательной динамикой показателя в соседних регионах или на общенациональном уровне. Это другой подход в оценке политики — видеть положительное в небольших успехах или даже в скромных неудачах по сравнению с существенными неудачами. В развитых странах с низким уровнем рождаемости это поможет совершенствовать демографическую, семейную и социальную политику в целом, потому что мы оперируем очень небольшими количественными изменениями показателя. Идет тонкая настройка политики, значит, и инструменты должны быть более точными. В терминах суммарного коэффициента рождаемости в таких странах каждая десятая часть статистического ребенка в среднем на женщину имеет значение и является измерителем успеха.

В завершение подчеркнем, что не только монетарные меры политики могут способствовать росту рождаемости. Международный и российский опыт свидетельствует об эффективности комбинированных мер поддержки рождаемости. В частности, важнейшую роль для осознанного материнства играет поддержание баланса между семейными обязанностями и трудовой деятельностью женщин и мужчин-родителей. Баланс семья — работа держится на трех китах: общественное воспитание детей (сады и ясли с комфортным режимом работы для родителей, сертифицированные государством няни), дружественный рынок труда (дистанционные, гибкие режимы занятости, система родительских отпусков), вовлеченное отцовство и справедливая экономика заботы в домохозяйстве (более равномерное и рациональное распределение обязанностей по уходу за детьми и пожилыми в стареющем обществе между супругами и всеми членами домохозяйства). Успешная региональная политика поддержки рождаемости, несомненно, должна содействовать развитию каждого из этих направлений.

Список литературы:

- Андреев Е.М. Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 68–97.
- Архангельский В.Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3(371). С. 56–64.
- Бирюкова С.С., Синявская О.В. Больше денег — больше рождений? Оценка влияния изменений в семейной политике 2007 г. на вероятность рождения второго и последующих детей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 48–72. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1830](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830)
- Вакуленко Е.С., Ивашина Н.В., Свистильник Я.О. Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 4. С. 1077–1092. DOI: [10.17059/ekon.reg.2023-4-10](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10)
- Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–43. DOI: [10.17323/demreview.v10i1.17259](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259)
- Казенин К.И., Козлов В.А. Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 191–206. DOI: [10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206)

Bergsvik J., Fauske A., Hart R.K. Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature // *Population and Development Review*. 2021. Vol. 47. Is. 4. P. 913–964. DOI: [10.1111/padr.12431](https://doi.org/10.1111/padr.12431)

Comolli C.L., Vignoli D. Spreading Uncertainty, Shrinking Birth Rates: A Natural Experiment for Italy // *European Sociological Review*. 2021. Vol. 37. Is. 4. P. 555–570. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcab001>

Farré L., González L. Does Paternity Leave Reduce Fertility? // *Journal of Public Economics*. 2019. Vol. 172. P. 52–66. DOI: [10.1016/j.jpubeco.2018.12.002](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.12.002)

Gauthier A.H., Hatzius J. Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis // *Population Studies*. 1997. Vol. 51. Is. 3. P. 295–306.

Gauthier A.H., Philipov D. Can Policies Enhance Fertility in Europe? // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2008. Vol. 6. Is. 1. P. 1–16. DOI: [10.1553/populationyearbook2008s1](https://doi.org/10.1553/populationyearbook2008s1)

González L. The Effect of a Universal Child Benefit on Conceptions, Abortions, and Early Maternal Labor Supply // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2013. Vol. 5. Is. 3. P. 160–188. DOI: [10.1257/pol.5.3.160](https://doi.org/10.1257/pol.5.3.160)

Hart R.K., Holst C. What about Fertility? The Unintentional Pro-Natalism of a Nordic Country // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2024. DOI: [10.1093/sp/jxad033](https://doi.org/10.1093/sp/jxad033)

Kan K., Lee M.J. The Effects of Education on Fertility: Evidence from Taiwan // *Economic Inquiry*. 2018. Vol. 56. Is. 1. P. 343–357. DOI: [10.1111/ecin.12492](https://doi.org/10.1111/ecin.12492)

Lee D.S., Lemieux T. Regression Discontinuity Designs in Economics // *Journal of Economic Literature*. 2010. Vol. 48. Is. 2. P. 281–355. DOI: [10.1257/jel.48.2.281](https://doi.org/10.1257/jel.48.2.281)

Lieming F. Will China's "Two-child in One Family" Policy to Spur Population Growth Work? // *Population and Economics*. 2019. Vol. 3. Is. 2. P. 36–44. DOI: [10.3897/popecon.3.e37962](https://doi.org/10.3897/popecon.3.e37962)

McDonald P. Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32. Is. 3. P. 485–510. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x)

Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia // *Labour Economics*. 2014. Vol. 30. P. 265–281. DOI: [10.1016/j.labeco.2014.03.004](https://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004)

Wang F., Yong C., Baochang G. Population, Policy, and Politics: How Will History Judge China's One-Child Policy? // *Population and Development Review*. 2013. Vol. 38. Is. s1. P. 115–129. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2013.00555.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00555.x)

Yakovlev E., Sorvachev I. The Effect of a Child Subsidy on Short-term and Long-term Fertility and its Relationship to the Housing Market // SSRN. 2019. DOI: [10.2139/ssrn.3416509](https://doi.org/10.2139/ssrn.3416509)

References:

Andreev E.M. (2016) The Final Effects of Russia's Demographic Policies of the 1980s. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. Vol. 25. No. 2. P. 68–97.

Archangel'skiy V.N. (2015) Assistance to Families with Children in Russia: An Assessment of Demographic Efficiency. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3(371). P. 56–64.

Bergsvik J., Fauske A., Hart R.K. (2001) Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature. *Population and Development Review*. Vol. 47. Is. 4. P. 913–964. DOI: [10.1111/padr.12431](https://doi.org/10.1111/padr.12431)

Biryukova S.S., Sinyavskaya O.V. (2021) More Money — More Births? Estimating Effects of 2007 Family Policy Changes on Probability of Second and Subsequent Births in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. No. 2. P. 48–72. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1830](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830)

- Comolli C.L., Vignoli D. (2021) Spreading Uncertainty, Shrinking Birth Rates: A Natural Experiment for Italy. *European Sociological Review*. Vol. 37. Is. 4. P. 555–570. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcab001>
- Farré L., González L. (2019) Does Paternity Leave Reduce Fertility? *Journal of Public Economics*. Vol. 172. P. 52–66. DOI: [10.1016/j.jpubeco.2018.12.002](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.12.002)
- Gauthier A.H., Hatzius J. (1997) Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis. *Population Studies*. Vol. 51. Is. 3. P. 295–306.
- Gauthier A.H., Philipov D. (2008) Can Policies Enhance Fertility in Europe? *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 6. Is. 1. P. 1–16. DOI: [10.1553/populationyearbook2008s1](https://doi.org/10.1553/populationyearbook2008s1)
- González L. (2013) The Effect of a Universal Child Benefit on Conceptions, Abortions, and Early Maternal Labor Supply. *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 5. Is. 3. P. 160–188. DOI: [10.1257/pol.5.3.160](https://doi.org/10.1257/pol.5.3.160)
- Hart R.K., Holst C. (2024) What about Fertility? The Unintentional Pro-Natalism of a Nordic Country. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. DOI: [10.1093/sp/jxad033](https://doi.org/10.1093/sp/jxad033)
- Kan K., Lee M.J. (2018) The Effects of Education on Fertility: Evidence from Taiwan. *Economic Inquiry*. Vol. 56. Is. 1. P. 343–357. DOI: [10.1111/ecin.12492](https://doi.org/10.1111/ecin.12492)
- Kazenin K.I., Kozlov V.A. (2020) Regional Measures of Support for Families with Three and More Children: An Overview. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. Vol. 18. No. 2. P. 191–206. DOI: [10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206)
- Lee D.S., Lemieux T. (2010) Regression Discontinuity Designs in Economics. *Journal of Economic Literature*. Vol. 48. Is. 2. P. 281–355. DOI: [10.1257/jel.48.2.281](https://doi.org/10.1257/jel.48.2.281)
- Lieming F. (2019) Will China's "Two-child in One Family" Policy to Spur Population Growth Work? *Population and Economics*. Vol. 3. Is. 2. P. 36–44. DOI: [10.3897/popecon.3.e37962](https://doi.org/10.3897/popecon.3.e37962)
- McDonald P. (2006) Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy. *Population and Development Review*. Vol. 32. Is. 3. P. 485–510. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x)
- Slonimczyk F., Yurko A. (2014) Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics*. Vol. 30. P. 265–281. DOI: [10.1016/j.labeco.2014.03.004](https://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004)
- Vakulenko E.S., Ivashina N.V., Svistylnik Y.O. (2023) Regional Maternity Capital Programmes: Impact on Fertility in Russia. *Ekonomika regiona*. Vol. 19. No. 4. P. 1077–1092. DOI: [10.17059/ekon.reg.2023-4-10](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10)
- Wang F., Yong C., Baochang G. (2013) Population, Policy, and Politics: How Will History Judge China's One-Child Policy? *Population and Development Review*. Vol. 38. Is. s1. P. 115–129. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2013.00555.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00555.x)
- Yakovlev E., Sorvachev I. (2019) The Effect of a Child Subsidy on Short-term and Long-term Fertility and its Relationship to the Housing Market. *SSRN*. DOI: [10.2139/ssrn.3416509](https://doi.org/10.2139/ssrn.3416509)
- Zakharov S. (2023). The History of Births in Russia: From Generation to Generation. *Demographicheskoe obozrenie*. Vol. 10. No. 1. P. 4–43. DOI: [10.17323/demreview.v10i1.17259](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259)

Дата поступления/Received: 11.07.2024